

Меродий
Буслаев

**Читайте в серии
о Мефодии Буслаеве:**

1. Маг Полуночи
Свиток Желаний
2. Третий всадник Мрака
Билет на Лысую Гору
3. Месть валькирий
Тайная магия Депресняка
4. Лёд и пламя Таргара
Первый эйдос
5. Светлые крылья для тёмного стража
Лестница в Эдем
6. Карта хаоса
Ожерелье дриады
7. Стекланный страж
Танец Меча
8. Огненные Врата
Книга Семи Дорог
9. Ладья Света
Ошибка грифона
10. Самый лучший враг

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев

Лёд и пламя Тартара

Первый эйдос

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложку
Анны Афанасьевой

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Лед и пламя Тартара; Первый эйдос / Дмитрий Емец. —
Москва : Эксмо, 2024. — 688 с. — (Д. Емец. Мефодий
Буслаев. Легендарное городское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186931-1

Лед и пламя Тартара

Стражи из Нижнего Тартара... Это те, кто опасен не только для Света, но и для самого Мрака. Ненависть подавила их разум. Тартарианцы не признают ничьей власти, плохо выполняют приказы, рвут своих с не меньшим удовольствием, чем чужих. Их тела неуязвимы для любого оружия, и только магия Света может хоть как-то им повредить. Они нежелательны даже для Лигула... Но вот, похоже, пришло время использовать исчадий ада по их прямому назначению. Глава Канцелярии Мрака выпустил нескольких стражей в Верхний Мир. Он не успокоится, пока не получит голову Мефодия и не разделается с Ареем и Дафной... Если тартарианцы будут действовать быстро, план вполне может увенчаться успехом!

Первый эйдос

Когда Мрак хочет получить самое драгоценное, что у тебя есть, он не остановится ни перед чем. Так Мефодий, попав в хитроумную ловушку Лигула, получает «подарок» — дарх, главный артефакт всех тёмных стражей. Меф понимает, что ему не оставляют выбора: живи, но заведи эйдос другого, или же останься верным себе, но потеряй свою собственную жизнь, ведь «...дарх должен получить первый эйдос или он заберёт твой». Тем временем у Главы Канцелярии Мрака появляется новая фаворитка — загадочная девушка в аллом...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186931-1

© Емец Д., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ЛЕД

И ПЛАМЯ ТАРТАРА

Глава 1

ПО КРЫШЕ БОСИКОМ

Кто не умеет получать радость от малого — того не удовлетворишь и многим.

Книга Света

Май, май! Какое хорошее слово! Пусть не такое многообещающее и дразнящее, как март. Не такое пружинящее надеждами, как апрель. Май — это нечто уже свершившееся. То, что было пульсирующими древесными соками, прорвалось в листья. В гнездах — птенцы. Мартовские котята, этот сгусток абсолютной любви, пищат в коробках. Скатанный в трубку холст жизни спешит развернуться во всю ширь.

И тут в мае, где-то в середине — в двадцатых числах, неожиданно наступает момент, когда природа на несколько дней замирает. Время останавливается. Все притихает и словно задумывается: а надо ли срывать-ся в лето? За летом неминуемо наступит осень, за осенью — зима. Стоит ли спешить? Не лучше ли повременить здесь и сейчас, в цветущем мае, и остановить мгновение, пока оно прекрасно? Следует ли гнать лошадей, нахлестывая их по взмыленным спинам? Куда

гнать? Зачем? Не лучше ли предаться неге и покою? Блаженная, сонливая, радостная тишина опускается на город. Даже комиссионеры с суккубами и те затихают, перестают мельтешить и злобствовать, понимая, что не их сейчас дни. Нечего ловить, некого подсиживать.

И вот в эти благостные числа мая Дафна и Мефодий сидели на плоской крыше многоэтажного дома недалеко от Чистых прудов. Вдвоем. Стальные полосы, приваренные изнутри к двери, давали стопроцентную гарантию, что их не потревожат. Полосы Мефодий приварил взглядом, не используя ни перстень, ни силу дарха. Невероятно для мага и почти невероятно для стража.

Теперь Мефу было уже пятнадцать лет, даже пятнадцать с хвостиком. Он сильно рванул вперед. Научился, хотя и не всегда, контролировать свою силу. Годы напряженных занятий и ежедневные понукания руны школяра принесли результат.

Сидеть так, на прогретой крыше, было приятно. Свежеиспеченное блинное солнце надувало щеки, щедро исторгая жар. Оно было похоже на купчиху и, стыдясь своего пышущего кустодиевского здоровья, стыдливо натягивало на нос белые ватные одеяла облаков. «А то еще сглазят! Ну вас всех!» — думало оно.

Босая Даф радостно шевелила пальцами ног. Какое все-таки удовольствие — сбросить туфли, когда есть такая возможность! Дафна любовалась небом. Ее голова лежала на коленях у Мефодия. Меф то и дело наклонялся, чтобы поцеловать ее. Даф, мешая ему, надувала щеки.

— Тебя что, совсем не занимает природа? — дразнила она.

— В данный момент нет, — отвечал Меф.

— Эй, наследник темной конторы, ты закрываешь мне солнце! Брысь, Македонский, отойди от бочки!

— Ты что, Диоген?

— Нет. Просто я соскучилась по свету. Зимой солнца не было. Так, какое-то издевательство на заданную тему!

— Слушай, а глаза у тебя не болят? Не слезятся? — спросил вдруг Меф.

— А почему они должны болеть? — удивилась Дафна.

— Ну как! Ты смотришь на солнце не щурясь. Я бы так не смог.

Даф поняла и засмеялась:

— Ты что, не знал? Это свойство всех светлых стражей.

Ветер унес последние клочки облаков. Теперь солнце сверкало на обшитых новой жостью бортах, по которым, задрвав хвост и брезгливо поглядывая вниз, прогуливался Депресняк. Вид у кота был меланхолический. Март и апрель он провел насыщенно. У него стало на семьдесят котят и на четыре шрама больше. Впрочем, как мужчине шрамы Депресняка только украсили. Да и вообще, говоря объективно, в плане внешнего вида Депресняку мог повредить только выстрел из танкового орудия с очень близкого расстояния. Все остальное лишь прибавило бы ему шарма.

Пахло смолой, которой обычно покрывают крыши, расплавляя ее гудящими горелками. Меф отколупнул кусок смолы, рассмотрел, хмыкнул, скатал в шарик и осторожно попробовал на зуб:

— Жвачка для семейных бережливых людей. Дешево и сердито. Раздается бесплатно, упаковками по соткам метров. Не хочешь попробовать?

Даф отказалась. Меф не стал настаивать.

— И правильно, — одобрил он. — Между нами, дрянь страшная.

— Ты уверен, что она не ядовита?

Меф дернул плечом:

— А шут ее знает! Статистика не ведется. Хотя ко мне сейчас ни одна зараза не пристанет. Я слишком счастлив.

Даф поспешно зажала ему рот:

— Тш-ш! Молчи! Это-то и плохо, что счастлив!

— Почему? — удивился Меф.

— Ни одно эгоистическое счастье не может продлиться долго, если оно полное. Счастье — это пиковое состояние. Все равно что стоять на вершине горы на площадке шириной в ладонь. Долго не простоишь — ветер сорвет.

Меф задумался. Рассуждения Даф ему не нравились. Для него они были слишком фатальными и заумными. И любят же эти девушки все усложнять!

— Ну и что ты предлагаешь? — спросил он.

Даф замотала головой:

— Говорить не буду. Лучше напишу.

Она нашла гвоздь и нацарапала что-то на разогретой смоле. Почерк у нее был немного угловатый, с высокими узкими буквами:

Единственное условие для счастья — не желать его для себя лично.

Счастье — в самоограничении.

Меф, хмыкнув, заметил:

— Ты рассуждаешь почти как валькирия.

— Ничего удивительного. Валькирии тоже служат Свету.

— А если я все же хочу немного личного счастья? Вот так вот просто хочу, и все?

Даф вновь взяла в руки гвоздь и дописала:

Любое личное счастье стоит воспринимать как подарок судьбы.

— А почему не вслух? — спросил Меф, с интересом следя за движениями гвоздя.

*Всякое слово, высказанное вслух, теряет силу.
Будь трепетен и осторожен.*

К концу этой фразы Дафна устала царапать гвоздем, и ей волей-неволей пришлось перейти на слова.

— Главное — не желать чего-то слишком сильно. Там, где человек перегорает, он выбивается из сил. Ровное спокойное горение — вот то, что приносит результат. Ожидать надо спокойно, сохраняя внутренний жар. Радость — это состояние света и покоя, а не буйства.

Меф встал, потянулся. Весенние силы распирала его.

— А слабо хотеть — вообще ничего не получишь. Я люблю искры и вспышки. Чтобы все падало и взрывалось.

Он подбежал к краю крыши и, повинаясь порыву, встал на руки. Согнутые в коленях ноги повисли над бездной.

— Вот как я тебя люблю! Эй, вы, Мрак и Свет, слушайте! Слушайте, старые мудрецы, высохшие над книгами! Слушайте и смотрите, как я люблю Дафну!

Депресняк подошел и, поглядывая вниз, стал тереться о руку Мефа. Он явно поощрял Буслаева свалиться и порадовать скучающего котика новыми впечатлениями. Дафна бросилась оттащить Мефа.

— Буслаев, ты сумасшедший! — сердито заявила она.

— Тэ-пять! — сказал Мефодий.

— Что за «Тэ-пять»? — заинтересовалась Даф.

— «Тип пять» — девушки, которые называют мужчину по фамилии.

— Чего?

— Классификация Эди Хаврона. Он вечно что-то такое изобретает. Девушки бывают нескольких типов. Тэ-один чаще всего зовет своего молчела по имени: «Вася», «Дима», «Боря». Это нейтральные нормальные девушки, любящие собак и горький шоколад. Клинического психолога этот тип не заинтересует.

— А если «Васька», «Сережка», «Борька»?

— Это тот же Тэ-один, но когда он чуть-чуть сердит или, напротив, в игривом настроении. Немного опаснее модификация Тэ-один, которая говорит «Серега», «Василий», «Борис». Это деловые серьезные девушки с отличной хваткой. Возможно, они и сентиментальны, но хорошо держат дистанцию и выносливы в бою.

— А Тэ-два?

— Девушки Тэ-два говорят «пусик, дусик, зайчик». Эти болтливы, нежны, неплохо готовят и со временем становятся хорошими матерями для девочек. Правда, есть еще вариация Тэ-два, которая говорит «мой» или «мой муж». Это, по словам Эди, скучные и унылые потребительницы с большими запросами. Пользы от них ноль.

Даф фыркнула, представив себе Хаврона, который, скользя с подносом между столиками дамского кафе, высматривает интересные типажи.

— А Тэ-три? — спросила она.

— Тэ-три зовет спутника по имени-отчеству: «Аркадий Николаич», «Петр Сергеич». Хороший уважительный вариант для третьего брака, но большой страсти тут не светит... Тэ-четыре используют клички и прозвища: «Огурец», «Сержант», «Лысый» и так далее. С этими девушками неплохо ходить на секцию фехтования или выбираться в горы. Они тащат свои рюкзаки сами и не ноют, что натерли ноги. Хорошие мамы для мальчиков.

— М-да! Я и не знала, что Эдя думает о продолжении рода. Мне казалось, он морально незрелый, — обрадовалась за Хаврона Даф.

— Эдя очень даже зрелый. Ты его просто неправильно понимаешь. Лет через десять из него сформируется ужасно правильный зануда, — сказал Меф.

— Так что у нас с Тэ-пять? Девушки, которые называют по фамилии?

— Это прекрасные девушки. Самые лучшие. Они обычно самостоятельны, или скорее хотят выглядеть самостоятельными. На деле же они очень ранимы. Причем не так, как твой Депресняк — в упор из пулемета, а на самом деле. Их нужно беречь, — осторожно сказал Меф.

Даф взглянула на него с недоверием:

— И это все? Хочешь сказать, что Эдя воздержался от гадостей в адрес Тэ-пять? На него это не похоже.

— А вот и воздержался.

— Поклянись!

— Клянись мамой Тухломона! — сказал Меф, и оба захохотали.

Мифическая мама Тухломона была им обоим хорошо известна. Они представляли ее себе в мельчайших деталях — этакая расплывшаяся плаксивая дама с подвязанными зубами, которая вечно лжет, подводит карандашиком бровки, обожает примерять чужие вещи, ворует из ресторанов посуду, а в гостях незаметно пересыпает из чужих кошельков мелочь. Кроме того, она жуткая сутяга. Гавкнет, к примеру, соседская собака в подъезде — она сразу подает иск о причинении ей морального и физического ущерба на десять тысяч долларов. Приложения — свидетельство дворника Зайкина, что собаки умеют лаять, и справка от врача ухорло-нос об обращении с жалобой на слух.

Сыночек Тухломоша сам наверняка побаивается свою мамашу и при встречах осторожно целует ее в пяти сантиметрах от щеки. Даф с Мефом даже подумывали, не попросить ли Чимоданова вылепить оживающую модель мамашы из пластилина. Технически это было выполнимо.

Неожиданно Депресняк выгнул спину и зашипел. В воздухе возникло полупрозрачное лицо Улиты. Дистанционный вызов. Меф знал, что Улита их сейчас не видит, но может слышать.

— Эй, вы! Улизнули и рады? А трудиться кто будет? Я тут вязну в бумагах, — заявила ведьма.

Мефодий покосился на Дафну. Та поднесла палец к губам. Однако Улиту невозможно было одурачить.

— Чего молчите? Не придуривайтесь! — нетерпеливо повторила она.

— Припряги Чимоданова! — посоветовал Меф.

— Чемодан и так загружен. Он порет суккубов. Судя по воплям, очень старательно.

— Тогда Нату! — сказала Даф.

— Нату я засадила писать программу продвижения легких наркотиков на второе полугодие. Скрытая реклама, тематические бренды, создание молодежной моды и так далее. Канцелярия уже бесится. Мы все сроки завалили.

— Нату? Писать продвижение? Да она все из Интернета сдует! Даже шрифты не поменяет... Помнишь, какую лажу мы отослали по пропаганде лжи и насилия? Суккубы и те ржали, — возмутился Меф.

Ведьма особо не спорила. Ей было плевать.

— Не нравится — пиши сам. Или пусть Даф пишет.

Даф писать отказалась и спросила, что делает Мошкин.

— Евгешу я послала наказывать комиссионеров, но что-то там подозрительно тихо. Сдается мне, что они задурили ему голову, — сказала Улита, озабоченно оглядываясь.

На самом деле она оглянулась, конечно, в Канцелярии, но, казалось, будто ее огромное прозрачное лицо всматривается в лабиринты старых кварталов у Чистых прудов.

— А завтра нельзя? — спросил Меф.

— Кончай отмазываться, Буслаев! Завтра нельзя. Сегодня зя! — непреклонно ответила Улита и растаяла.

* * *

Делать нечего. Пришлось Мефу и Дафне отправляться в офис. Поначалу они собирались телепортироваться, но после решили, что пройдутся пешком. Особого